

Виленский край: этноконфессиональная проблема



Всеволод ШИМОВ,
кандидат
политических наук

Процесс формирования белорусской национальной государственности был неразрывно связан с проблемой определения территориальных границ проживания белорусского этноса. Современная конфигурация территории Беларуси явилась итогом сложных этнополитических процессов в XX веке, результат которых был изначально не очевиден и не предопределен. С высокой долей уверенности можно утверждать, что привычная нам территориальная организация Беларуси возникла после ряда исторических случайностей и стечений обстоятельств, и при определенных условиях как территориальные контуры, так и общий этнокультурный и политико-идеологический формат белорусского государства могли быть сущностно иными.

БЫЛО ЛИ ВКЛ БЕЛОРУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ?

Несостоявшаяся альтернатива территориальной организации Беларуси связана, прежде всего, с Вильно и Виленским краем. Белорусский национальный проект изначально был «вильноцентричным», и именно этот город рассматривался в качестве приоритетного претендента на роль столицы предполагаемого белорусского государства. Что вполне закономерно, поскольку он являлся безальтернативным средоточием политико-культурной активности региона, и ни один город на современной территории Республики Беларусь (включая нынешнюю столицу Минск) не мог состязаться с ним в этой роли. Столь престижный статус за Вильно сохранялся со времен Великого княжества Литовского, когда город

стал естественным центром притяжения для Беларуси и Литвы, вплоть до начала XX века. Данное обстоятельство спровоцировало коллизию между белорусским и литовским национальными проектами, каждый из которых стремился «присвоить» бывшую столицу княжества и историческое наследие ВКЛ. Победа в этой «схватке» литовского проекта вынудила белорусскую сторону искать альтернативный политический центр, в качестве которого утвердился наиболее крупный и индустриально развитый губернский город – Минск.

Тем не менее споры об «исконной» принадлежности Вильно и Виленского края продолжают: в среде белорусской интеллигенции и по сей день популярны представления о Вильно как об утраченной белорусской столице, якобы незаконно присвоенной Литвой. Аргументация, при помощи которой доказывается исконная «белорусскость» Вильно, выстраивается следующим образом. В ее основе лежат исторические концепции, фактически отождествляющие Великое княжество Литовское с национальной белорусской государственностью, что оправдывает притязания Беларуси как страны – наследницы ВКЛ на историческую столицу княжества. В связи с этим понятия «Литва» и «литвины» интерпретируются как «исконные» этнонимы

ОБ АВТОРЕ

ШИМОВ Всеволод Владимирович.

Родился в 1983 году в Гомеле. В 2005 году окончил Белорусский государственный университет, в 2009 году – аспирантуру этого университета. С 2009 года – старший преподаватель кафедры политологии БГУ. Кандидат политических наук (2009).

Автор около 15 научных публикаций (в том числе соавтор 2 коллективных монографий).

Сфера научных интересов: теория цивилизаций, этнополитические процессы в восточнославянском мире.

белорусов, в то время как Литва и литовцы в современном понимании отождествляются лишь с одной из исторических областей нынешней Литовской республики – Жемайтией. Подобная интерпретация позволяет автоматически включать Вильнюс и Виленский край в белорусский этнический массив и трактовать «Литву-Жмудь» лишь как периферийную «инородческую» провинцию в составе «белорусского государства Великое княжество Литовское».

Трактовки ВКЛ как белорусского национального государства неоднократно подвергались аргументированной критике. На сегодняшний день можно с высокой долей уверенности говорить об их научной несостоятельности, несмотря на то, что они сохраняют свою актуальность в качестве идеологического концепта, используемого определенными политическими силами. Основным свойством данных концепций, идущих вразрез с современными представлениями о генезисе наций, является перенос в далекое прошлое современных национально-политических реалий, благодаря чему делается вывод о «белорусском» характере ВКЛ. Между тем ВКЛ не могло быть «национально-белорусским» государством хотя бы по той простой причине, что в ту эпоху самого понятия «нация» в современном смысле слова не существовало.

ВКЛ – типичное феодальное государство, представляющее собой союз этнически и культурно разнородных областей, объединенных лояльностью к верховному сюзеру – литовскому князю. Что отнюдь не подразумевало этнокультурной однородности территорий. Вместе с тем, нужды управления обширным полиэтническим государством закономерно вызвали к жизни универсальные языки-посредники, которые служили инструментами государственного управления, но не были национальными языками в современном понимании. Универсальным средством коммуникации в западнохристианском мире справедливо считалась латынь, а также местная версия письменного восточнославянского «русского» языка. Мы называем этот язык «русским», поскольку именно так его определяли в Литовском статуте 1588 года. (Чтобы отличать от современного русского, мы будем брать определение «русский» в кавычки. Точно

так же обозначим все восточнославянское население ВКЛ и Речи Посполитой.) Столь высокий статус «русского» языка был обусловлен как преобладающей численностью восточных славян в Великом княжестве Литовском, так и общим высоким уровнем развития «русской» культуры (прежде всего, в сравнении с литовской), что, однако, не дает оснований считать этот язык «национальным» языком ВКЛ.

Кроме того, восточнославянское население, проживавшее на территории современной Беларуси в рамках ВКЛ, еще не представляло собой обособленную этническую группу, отделяющую себя от прочих

восточных славян. Несмотря на актуальное политическое размежевание восточнославянского мира между Литвой, Московией и Польшей, здесь все еще были сильны представления о восточных славянах как о едином «русском» этнополитическом и религиозном сообществе, существующем со времен Киевской Руси. Геополитическое соперничество ВКЛ и Московского государства, а также глубокие различия в общественно-политическом строе этих образований способствовали постепенной дифференциации восточного славянства по линии «Запад – Восток». Однако в рамках Великого княжества Литовского и впоследствии Речи Посполитой, объединявших территории современной Беларуси и Украины, восточнославянское население сохраняло высокую степень культурно-языкового единства, воспринимая себя в качестве единого «русского народа» [1, с. 9–27]. Наиболее наглядным свидетельством такого белорусско-украинского единства является наличие в ВКЛ единого для всех восточных славян письменного языка, что делает неправомерными современные попытки определить его как «старобелорусский» или «староукраинский». Языковое пространство Беларуси и Украины оставалось единым, хотя в нем могли проявляться



Центральная часть Вильнюс на гравюре XVI века

религиозном сообществе, существующем со времен Киевской Руси. Геополитическое соперничество ВКЛ и Московского государства, а также глубокие различия в общественно-политическом строе этих образований способствовали постепенной дифференциации восточного славянства по линии «Запад – Восток». Однако в рамках Великого княжества Литовского и впоследствии Речи Посполитой, объединявших территории современной Беларуси и Украины, восточнославянское население сохраняло высокую степень культурно-языкового единства, воспринимая себя в качестве единого «русского народа» [1, с. 9–27]. Наиболее наглядным свидетельством такого белорусско-украинского единства является наличие в ВКЛ единого для всех восточных славян письменного языка, что делает неправомерными современные попытки определить его как «старобелорусский» или «староукраинский». Языковое пространство Беларуси и Украины оставалось единым, хотя в нем могли проявляться

и региональные лингвистические особенности. Процесс политико-культурного обособления Украины начался примерно с середины XVII века и был связан со становлением казацкой гетманской государственности. Однако и в XVIII–XIX веках белорусские и украинские земли сохраняют высокую степень интеграции, о чем, в частности, свидетельствует активная деятельность в Беларуси ряда выходцев из Украины/Малороссии (Георгий Конисский, Иосиф Семашко). Следует добавить, что идея общерусского единства (то есть национального единства всех восточных славян) вообще оказалась крайне живучей и намного пережила Великое княжество Литовское. С середины XIX века данная доктрина фактически становится основой официальной политики Российской империи по отношению к восточнославянскому населению (в особенности после польского восстания 1863 года) и поддерживается значительной частью общественности Беларуси и Украины (в Беларуси данное направление известно как западнорусизм).

Таким образом, Великое княжество Литовское не являлось белорусским национальным государством. Во-первых, в силу своего ненационального (донационального) характера. И, во-вторых, по причине того, что население, которое проживало на территории современной Беларуси в рамках ВКЛ, не оформилось в обособленную этнополитическую группу, сохраняя множественные культурно-языковые, религиозные и ментальные связи с другими восточными славянами – «русичами».

Несостоятельным представляется и утверждение о том, что понятия «Литва» и «литвины» якобы были древними именами Беларуси и белорусов. Действительно, под Литвой и литвинами в период существования ВКЛ нередко понимали всю территорию и население княжества. Однако в этом смысле «литвинами» оказывались предки не только современных белорусов, но также литовцев и – до Люблинской унии – украинцев, а также население ряда областей современной России, длительное время входивших в состав ВКЛ (прежде всего, Смоленщина). Очевидно, что в данном смысле «Литва» и «литвины» были маркерами государственного подданства, а не

этнической принадлежности. В рамках ВКЛ и Речи Посполитой православное и позднее униатское восточнославянское население ассоциировалось с Русью, а не Литвой.

Что же в таком случае понималось под Литвой в период ВКЛ? Размышления белорусских исследователей (М. Спиридонов [2], В. Носевич [3, с. 4–27], А. Белый [4, с. 128–145] и др.) над этой проблемой позволяют сделать вывод, что изначально понятие Литва имело сугубо этническое наполнение и воспринималось в основном как территория, населенная литовцами. В рамках ВКЛ Литва выступала в роли политического ядра, метрополии, по отношению к которой обширные восточнославянские владения оказывались в роли лояльной провинции. Здесь находились основные владения литовских магнатских родов, составлявших привилегированный политический класс государства. Со временем политическое и экономическое влияние литовского политического класса закрепляется и на сопредель-

Замок в Тракае – резиденция великих литовских князей. Современный вид



ных с Литвой восточнославянских землях (нынешняя Западная Беларусь), которые к XVI веку также включаются в понятие Литвы. Таким образом, Литва утрачивает сугубо этническое измерение: теперь под ней подразумевается обширный регион вокруг Вильно, включая территории с преобладающим восточнославянским населением, где в политическом и экономическом отношении доминируют литовские элиты.

Распространяя свою власть на восточнославянские земли, Литва закономерно подверглась мощному влиянию более развитой восточнославянской культуры, благодаря чему впоследствии и возник миф о «белорусском» характере ВКЛ. Вплоть до

Кревской унии процессы развивались в направлении полной восточнославянской («русской») ассимиляции Литвы, когда литовская знать интенсивно усваивала язык и веру восточных славян. Впоследствии, приняв католицизм, литовцы поставили надежный барьер между собой и восточными славянами, хотя «русский» язык еще долгое время занимал господствующее положение в государстве, оставляя бесписьменному литовскому лишь сферу бытового обихода и традиционной народной обрядовости. Таким образом, несмотря на мощное восточнославянское влияние (прежде всего в языковой сфере), литовцы сохранили особое национально-политическое сознание, основанное на приверженности католицизму и государственной традиции ВКЛ.

Со своей стороны, восточнославянские владения, сохраняя лояльность литовскому сюзеру, четко отличали себя от Литвы; самосознание восточных славян ВКЛ оставалось «русским», то есть основывалось на приверженности православной церковной традиции и «русской старине» – государственно-правовым нормам и привилегиям, существовавшим здесь со времен Киевской Руси. В обстоятельной статье А. Белого прослеживаются многочисленные различия конфессионального, административно-правового, экономического и ментального характера между «Литвой» и «Русью» в рамках ВКЛ [4].

Вместе с тем баланс «русского» и «литовского» в Великом княжестве Литовском со временем закономерно смещался в сторону последнего. Каков был механизм этого процесса? Несмотря на официальное привилегированное положение католицизма, литовские князья и литовско-польские короли династии Ягеллонов проводили достаточно веротерпимую политику в отношении православных «русских» подданных, что позволяло последним интегрироваться в политический класс литовского государства и занимать в нем заметное положение. Это способствовало распространению среди православных элит «литвинской» национально-государственной идеологии, основанной на восприятии литовского государства – государства Гедиминовичей и Ягеллонов – в качестве «своего». Одновременно происходила постепенная эрозия тра-

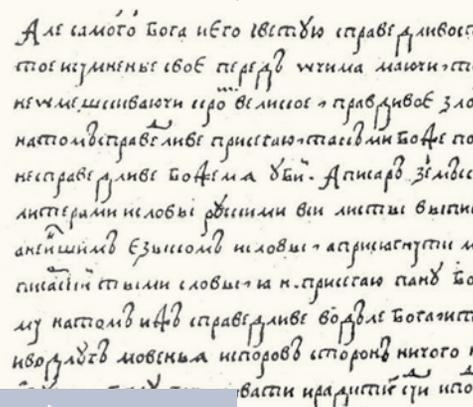
диционной «русской» идентичности. Интеграция православных посредством Литвы и Польши в круг западноевропейской культуры, усвоение «литвинской» национально-государственной мифологии – все это способствовало «забыванию» традиционной «русской» киево-византийской традиции. Закономерным следствием этого становится переход многих православных в более «престижные» версии западного христианства – католицизм и (в недолгий период литовско-польской Реформации) протестантизм. Но данный процесс не был одномоментным и характеризовался множеством переходных стадий, когда православные, приняв «лит-

винскую» идеологию и даже сменив конфессиональную принадлежность, одновременно продолжали манифестировать и свою «русскую» идентичность (например, протестанты С. Будный и В. Тяпинский). Не был данный процесс равномерным в социальном и региональном аспектах.

«Литвинизации» подвергались, в первую очередь, высшие слои православного общества, наиболее тесно интегрированные в правящий класс государства, а также население регионов, непосредственно примыкавших к Литовской митрополии и к XVI веку уже включавшихся современниками в понятие «Литва» (Западная Беларусь).

Наступление Контрреформации, когда под воздействием иезуитов литовско-польское государство переходит к политике католического экспансионизма, ускорило процесс: массовое обращение православных элитариев в католицизм, начавшееся в этот период, знаменовало окончательный разрыв с киево-византийской традицией – основой традиционной «русской» идентичности.

Однако целенаправленный и осознанный характер процесс ассимиляции Руси приобрел после создания Речи Посполитой. Литовская элита, и ранее испытывавшая мощное воздействие со стороны польской культуры, на протяжении XVII–XVIII



Фрагмент текста статьи Статута ВКЛ 1588 года, написанного на «русском» языке

веков окончательно интегрируется в польское политическое и культурно-языковое пространство, «литвинская» идентичность фактически становится региональным вариантом общепольской и интерпретируется в кодах польской культуры. В связи с этим окончательно исчезает восточнославянское («русское») влияние на Литву, наглядным символом становится замена в литовском делопроизводстве «русского» языка польским. В отличие от ВКЛ, элиты которого достаточно терпимо относились к культурно-языковому и конфессиональному разнообразию подвластных территорий, в рамках Речи Посполитой формирование единой культуры по польским культурно-языковым и религиозным стандартам было негласным императивом государственной жизни. Основным объектом политики становились «русские» владения государства, культурно-религиозная традиция которых составляла главное препятствие для становления унифицированной польской культуры в границах всей Речи Посполитой.

В «русские» владения ВКЛ, которые после Люблинской унии в основном ограничивались современной территорией Беларуси, польская культура закономерно приходила в ее «литвинском» варианте. Создание разветвленной сети католических монастырей и образовательных учреждений, массовое обращение православно-русского населения в унию, которая, сохраняя многие значимые элементы православно-«русской» обрядовости, вместе с тем становилась мощным транслятором «польско-литовского» влияния, – все эти меры в значительной мере способствовали разрушению местной «русской» идентичности и замене ее на «польско-литвинскую». Однако этот процесс не был завершен до разделов Польши, и под покровительством Российской империи на белорусских землях поднимается возвратная волна «русского возрождения».

Таким образом, «литвинизм» как национально-политическая идентичность был изначально чужд основной массе восточнославянского населения Беларуси, являясь достоянием католических балтских элит Великого княжества Литовского. Однако по мере эволюции ВКЛ происходила закономерная экспансия «литвинизма»

(в эпоху Речи Посполитой – как варианта общепольской идентичности) в восточнославянскую среду и разрушение местной «русской» идентичности. Незавершенность данного процесса в рамках Речи Посполитой и обратная волна «русского возрождения» при покровительстве Российской империи привели к расколу белорусского национального движения. Одни пытались приспособить для нужд белорусской идеи «литвинское» наследие, другие же, стоя на позициях «русского возрождения», выступали за национальное единство всех этнических групп восточных славян в рамках России.

Приведенный обзор этнополитических процессов в ВКЛ позволяет сделать вывод о том, что в рамках этого государства на белорусских землях так и не сложилось устойчивой национально-политической общности. Напротив, произошло дробление восточнославянского населения на группы с разнонаправленными политическими и культурно-цивилизационными ориентациями. Взаимодействие и противоборство «русской» и «литвинской» традиций не привело ни к безоговорочной победе одной из них, ни к жизнеспособному синтезу на основе их обеих.

МАТРИЦА ДОМИНИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЙ

В XIX веке противоборство «руссизма» и «литвинства» в Беларуси продолжилось, причем вхождение белорусских земель в состав России внесло в эту борьбу свои коррективы. В рамках России «русская идея» обретает характер проекта национальной консолидации этнических групп восточных славян – наследников древней Руси – вокруг российских имперских центров. Великороссия признается лидером восточнославянского («русского») мира и собирателем древнерусских земель, подпавших под власть Литвы и Польши. Поборниками интеграции белорусов в большую русскую нацию под эгидой России становятся представители общественно-политического и просветительского течения – «западноруссизма».

В свою очередь, «литвинизм» во второй половине XIX века раскололся на два на-

Пинский коллегіум иезуитов. XVII век



правления. Первое являлось результатом эволюции «литвинизма» в польскую региональную идеологию, то есть представители этого направления (крупная земельная аристократия и шляхта) мыслили себя как часть польской нации, а свой край – как область исторической Польши. Вторая версия «литвинизма» получила распространение на белорусской почве. Эта идеология (обозначим ее как «белорусский литвинизм») формируется на базе тех «промежуточных», «переходных» идентичностей, которые возникли в результате противоборства и взаимного наложения «литовско-польской» и «русской» идей. Как следствие, «белорусский литвинизм» причудливо микширует элементы «полоно-литвинизма» и «русизма» и противопоставляет себя обеим исходным идеологиям. С одной стороны, «белорусский литвинизм» четко противопоставил белорусов великороссам, сделал акцент не только на этноязыковых различиях, но и на разных традициях государственности (белорусская традиция выводилась из ВКЛ). С другой – «белорусский литвинизм» точно так же противопоставлял белорусов полякам и этническим литовцам, чем в определенной степени сближался с западноруссизмом. Более того, сами понятия «Беларусь» и «белорусы» были вынужденно позаимствованы из «русского» дискурса вместо «Литвы» и «литвинов», приоритетное право на которые отвоевывает национальное движение этнических литовцев.

Очевидно, для «белорусского литвинизма», выводящего белорусскую государственность из традиции ВКЛ, было принципиально важным доказать исконную «белорусскость» Вильно и Виленского края. И именно среди адептов этой идеологии по сегодняшний день популярен миф о «беларускай Вільні». В «схватке за Вильно» белорусский литвинизм противостоял «польскому литвинству» – региональной идеологии местных поляков (в основном – ополяченных белорусов и литовцев), а также литовскому этническому национализму, который возник в среде литовской интеллигенции и крестьянства в противовес тому же «польскому литвинству», выражавшему интересы полонизированной аристократической верхушки.

Как мы знаем, победителем в этой «схватке», в конечном счете, оказался именно литовский национализм. Но насколько основательны претензии «белорусского литвинизма» на Вильно и Виленский край, каковы были шансы реализации «белорусского сценария» для данного региона? Несмотря на ложность тезиса о «белорусском» характере исторической литовской государственности, можно предположить, что доля населения, которое условно охарактеризуем как белорусское, во второй половине XIX века (то есть в период, когда «белорусский литвинизм» заявил о себе) была в Виленском регионе достаточно высока.

Исторический регион «Литва», сформировавшийся во времена ВКЛ вокруг Вильно, куда входили и славянские земли современной Западной Беларуси, представлял собой обширную контактную зону восточных славян и балтов. Очевидно, что баланс славянского и балтского элементов в этой зоне мог со временем меняться. Парадоксальным образом он сместился в пользу восточных славян, несмотря на политическое доминирование в государстве балтских элит. Белорусский историк И. Марзалюк приводит обширную подборку источников, свидетельствующих о постепенной ассимиляции в рассматриваемом регионе балтского элемента восточнославянским [5]. Основная причина этого явления – более высокий культурный уровень восточных славян, о чем наиболее красноречиво свидетельствует тот факт, что в делопроизводстве государства был принят «русский», а не литовский язык. Очевидно, престижность «русской» культуры и языка способствовала их постепенной экспансии в славяно-балтской контактной зоне и вела к ассимиляции литовского элемента. Особенно интенсивным такой процесс мог быть на ранних этапах существования ВКЛ, до официального принятия католичества, когда литовцы усваивали не только язык и отдельные обычаи, но и веру своих славянских соседей. Как представляется, матрицу восточнославянского культурного доминирования долго не удавалось сломать даже после крещения



Литовцы Виленской губернии. Гравюра из книги Г.-Т. Паули «Этнографическое описание народов России». 1862 год

Литвы в католицизм и постепенного замещения высокой «русской» культуры польской. Полонизация затронула, прежде всего, высшие слои литовского общества, в то время как в низших сословиях по инерции продолжала работать старая схема восточнославянского доминирования. Поэтому с высокой долей уверенности можно утверждать, что расширение восточнославянского языкового ареала за счет балтского элемента продолжалось в Литве и на протяжении XVII–XIX веков.

ПОЛИЭТНИЧЕСКИЙ РЕГИОН

Каков же был баланс литовского и славянского элементов в Виленском крае на рубеже XIX–XX веков, то есть в период, когда о себе заявили литовское и белорусское движения? Обратимся к Всероссийской переписи населения 1897 года, данные которой, систематизированные российским изданием «Демоскоп Weekly» [6], находятся в широком доступе в сети Интернет. Однако вначале отметим, что мы имеем в виду под понятием «Виленский край». «Виленский край» в интересующем нас контексте значительно уже исторической Литвы, к которой в Российской империи относили Гродненскую, Виленскую и Ковенскую губернии. В данном случае нас будет интересовать Виленская губерния, которая включала не только непосредственно город Вильно, но и тот массив территорий, этническая принадлежность которых по сей день вызывает споры. Поэтому в дальнейшем понятия «Виленский край» и «Виленская губерния» будут использоваться как синонимы.

Поскольку белорусский и литовский национализм рассматривали язык как основной маркер этнического отличия белорусов и литовцев, мы также воспользуемся им как критерием этнической идентификации (о методологической правомочности такого шага скажем несколько позднее). Перепись 1897 года достаточно детально отразила картину языкового разнообразия империи: белорусский и литовский языки представлены в ней в качестве самостоятельных лингвистических единиц. Это позволяет создать адекватное представление об их балансе в Виленском крае. Белорус-

ский язык рассматривается в переписи как одно из наречий русского языка наравне с великорусским и малорусским, что соответствовало принятой в Российской империи концепции триединого русского народа. В данном контексте такое терминологическое различие роли не играет.

Виленская губерния включала в себя 7 уездов: Вилейский, Виленский, Дисненский, Лидский, Ошмянский, Свенцянский, Трокский. На сегодняшний день территория 4 уездов (Вилейского, Дисненского, Лидского, Ошмянского) преимущественно входит в состав Беларуси, а остальных 3 (Виленского, Свенцянского и Трокского) – в состав Литвы. Данные переписи позволяют рассмотреть литовско-белорусский языковой баланс как по губернии в целом, так и по отдельным уездам. В обобщенном виде представим их в виде таблицы.

Название уезда/ губернии	Общая численность населения	Белорусское население	Литовское население	Другие этноязыковые группы
Губерния в целом	1591207	891903 (56 %)	279720 (17,6 %)	419584 (26 %)
Вилейский	208013	180709 (86 %)	121 (0,06 %)	27183 (13 %)
Виленский (без г. Вильно)	208781	87382 (41 %)	72899 (35 %)	48500 (23 %)
Дисненский	204923	166151 (81 %)	703 (0,3 %)	38069 (18,5 %)
Лидский	205767	150535 (73 %)	17825 (8,6 %)	37407 (18 %)
Ошмянский	233559	186752 (80 %)	8754 (3,7 %)	38053 (16 %)
Свенцянский	172231	81845 (47,5 %)	58134 (34 %)	32252 (19 %)
Трокский	203401	32015 (16 %)	118153 (58 %)	53233 (26 %)
Город Вильно	154532	6514 (4,2%)	3131 (2 %)	144887 (94 %)

Источник:
данные издания «Демоскоп Weekly» [6].

Употребляя термины «белорусское» и «литовское» население, мы имеем в виду исключительно языковую характеристику и не затрагиваем вопроса национального самосознания.

Приведенные цифры свидетельствуют, что в масштабах губернии белорусскоговорящее население действительно составляло крупнейшую языковую группу – 56 % от общей численности. Возможно, эти данные и легли в основу утверждения о преимущественно белорусском характере Виленского края. Однако даже эта цифра свидетельствует лишь об относительном преобладании белорусского населения, которое в масштабах губернии составляло чуть больше половины от общей численности.

Данные по отдельным уездам и вовсе вскрывают картину, весьма отличную от «общегубернской». В тех уездах, территория которых сегодня входит преимущественно в состав Беларуси, белорусскоязычное население на рубеже XIX–XX ве-

ков действительно составляло абсолютное большинство – около 80 %. Доля литовского населения исчезающе мала в Вилейском и Дисненском уездах (менее 1 %), да и в Ошмянском уезде (3 %). Несколько выделяется Лидский уезд, где доля белорусского населения «снижается» до 73 %, а литовское меньшинство составляет 8,6 %.

В «литовских» уездах – Свенцяном, Виленском и Трокском – картина неоднозначная. Доля белорусскоязычного населения высока и здесь, однако нигде не превышает отметки в 50 %. Одновременно резко возрастает численность литовского населения. В Свенцяном уезде удельные доли белорусского и литовского населения вполне сопоставимы, хотя языковые белорусы еще составляют большинство – их 47,5 %, в то время как литовцев – 34 %. Во многом сходная картина и в Виленском уезде, хотя «зазор» между языковыми белорусами и литовцами несколько сокращается – 41 % и 35 % соответственно. Наконец, в Трокском уезде языковые литовцы (58 %) уже очевидно преобладают над белорусами (16 %).

На общем фоне резко выделяется город Вильно, где белорусы и литовцы составляют незначительную долю населения (4 % и 2 % соответственно), в то время как преобладающими этноязыковыми группами оказываются евреи (61 847 чел., или 40 %), поляки (47 795 чел., или 31 %) и великорусы (30 967, или 20 %). Подобная картина была характерна для многих крупных центрально- и восточноевропейских городов того периода (Львов, Рига, Прага и пр.): в структуре населения преобладали представители торгово-ремесленного и привилегированного сословий, этническая принадлежность которых зачастую отличалась от основной массы крестьянского населения региона. В связи с этим вполне понятным представляется доминирование в Вильно евреев как представителей торгового сословия, поляков – как местной аристократии

и великорусов – как служащих имперской администрации.

Проведенный анализ показывает, что, несмотря на относительное численное преобладание белорусскоязычного населения в Виленской губернии, непосредственно окрестности Вильно характеризуются смешанным составом населения, причем языковые белорусы и литовцы здесь представлены в сопоставимых пропорциях, только в Трокском уезде численность литовцев значительно превосходила численность белорусского населения. Иными словами, три уезда Виленской губернии – Трокский, Виленский и Свенцянский – представляли собой переходную зону от литовского к белорусскому языковому пространству.

Таким образом, Виленский край (как и историческая Литва в целом) на рубеже XIX–XX веков оставался полиэтническим регионом, существовавшим поверх этноязыковых границ, и не мог считаться эксклюзивным достоянием какой-либо из проживавших на его территории этнических групп. Следует также отметить, что безоговорочное определение населения Виленского края как белорусов на основании одного только языкового критерия представляется, по меньшей мере, спорным. Необходимо учитывать, что основная масса населения находилась на донациональном уровне самосознания, ограничивая свой кругозор ближайшей сельской округой, и последующая инкорпорация его именно в белорусский национальный проект отнюдь не была гарантирована.

РОЛЬ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА

На рубеже XIX–XX веков общество Виленщины (и Северо-Западного края в целом) во многом сохраняло средневековую структуру – оставалось разделенным на сословия. Причем специфика ситуации заключалась в том, что на разных этажах сословной иерархии оказывались разные этнические группы. Это закономерно повлекло за собой и соответствующую иерархию языков. Белорусский, как язык крестьянского сословия, занимал низшую ступень. Наверху пирамиды разместились польский – как язык местной аристократии

**ПЕРВАЯ ВСЕОБЩАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, 1897 г.**

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПОДЪ РЕДАКЦИЕЙ И. А. УРОВИНСКОГО.

IV. ВИЛЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ:

Таблица 1

УЕЗДЫ И ГОРОДА ВЪ НИХЪ.	Численность лица по всему уезду	Наличное население				Наличные крестьяне	Въ числѣхъ принадле- жающихъ къ исколонной базѣ:		Въ про- центѣхъ къ всему населенію.
		М. П.	Ж. П.	СКОБОГО ПОДА.	%		крестьяне	Иностран- цы, инород- цы, евреи	
1. Виленскій.	1.414,7	103.806	129.719	103.213	46,71	10.172	1.211	15,07	
г. Виленскіе	—	79.127	75.071	114.113	—	4.084	799	13,07	
2. Белозерскій.	1.519,2	103.485	101.546	104.813	37,94	4.719	77	10,07	
г. Виленскіе	—	1.298	1.254	1.950	—	91	—	0,07	
г. Радошковичи	—	1.291	1.054	1.891	—	—	77	0,07	
3. Дисненскій.	1.407,8	101.200	103.989	104.833	47,51	3.051	39	10,07	
г. Дисна	—	1.184	1.079	1.218	—	69	1	0,07	
г. Друцъ	—	8.361	9.511	1.249	—	14	1	0,07	
4. Лидскій.	4.091,5	103.000	100.797	106.797	41,21	9.961	114	10,07	
г. Лида	—	5.319	4.011	9.319	—	491	11	10,07	
5. Свенцяномскій.	4.019,1	113.182	118.397	103.599	35,66	3.814	69	10,07	
г. Свенцяномскіе	—	1.891	1.971	7.914	—	109	14	0,07	
6. Слонимскій.	4.119,7	84.047	88.194	173.321	17,49	1.394	132	11,07	
г. Слонимскіе	—	4.891	1.999	6.042	—	119	6	0,07	
7. Трокскій.	1.711,1	101.200	101.139	103.461	39,49	4.050	174	10,07	
г. Трокскіе	—	1.866	1.419	1.849	—	71	—	0,07	
Всего въ губерніи	16.835,2	731.880	800.327	1.001.207	43,21	27.787	1.814	20,07	
изъ нихъ числѣхъ евреевъ	—	101.237	94.729	186.207	—	1.741	846	11,07	

Первая страница отчета по Виленской губернии Всероссийской переписи населения 1897 года

и русский – как основной язык империи и ее управленческого аппарата.

Слом сословных перегородок и интеграция крестьянского сословия в национальное сообщество отнюдь не всегда означает «эмансипацию» простонародного крестьянского языка и его превращение в «высокий» язык национальной культуры, хотя именно этой модели и придерживался белорусский национализм. Возможна и обратная ситуация, когда «аристократический» язык высших сословий «демократизируется», иначе говоря, становится универсальным средством коммуникации широких слоев населения, вытесняя прежние просторечные диалекты. Именно такую модель и предлагала концепция большой русской нации, рассматривавшая все восточнославянские диалекты как части единого русского языка, универсальной литературной формой которого являлся выработанный на преимущественно великорусской основе современный русский язык – язык образованного общества имперских центров. Очевидно, что интеграция белорусов в данный национальный проект означала постепенный переход на более престижный литературный язык и отказ от белорусского как от диалектно-просторечия.

Аналогичную модель для белорусскоязычных католиков могла предложить и Польша. Используя костел как мощный инструмент культурного влияния, а также создавая привлекательный образ исторической польской государственности, она вполне могла стимулировать крестьян-католиков обращаться к польскому языку как престижному языку высокой культуры и таким образом интегрировать их в состав польской нации. Учитывая низкий престиж белорусского языка, в том числе среди самого белорусского крестьянства, можно утверждать, что развитие национально-политических процессов по модели экспансии «аристократических» языков в народные массы было в начале XX века весьма вероятным.



Школьная улица
и синагога в Лиде.
Начало XX века

Особую роль в формировании национальной идентичности белорусскоговорящего населения приобретал конфессиональный фактор: православное исповедание закладывало сущностные предпосылки для интеграции языковых белорусов в русский национальный проект, католическое – в польский. С такими мощными культурными традициями вынуждено было конкурировать белорусское национальное движение, поборники которого встречались как среди православных, так и среди католиков. Исход данной конкурентной борьбы в начале XX века был далеко не очевиден, и гипотетически процессы национального самоопределения разных территориальных и религиозных групп языковых белорусов могли развиваться по сценариям, отличным от того, который реализовался на самом деле. Это обстоятельство следует учитывать при попытках идентифицировать население, проживавшее в Виленском крае и исторической Литве в начале XX века.

Для адекватного определения социокультурных характеристик белорусскоговорящего населения Виленского края обратимся к фактическим данным о конфессиональном составе на рубеже XIX–XX веков. Согласно переписи 1897 года, в Виленской губернии проживало 935 849 (59 %) католиков, 440 968 (28 %) православных и старообрядцев и 214 390 (13 %) представителей прочих конфессий [7]. Методом исключения нетрудно определить, что априори к католическому исповеданию принадлежат поляки и литовцы; прочие этнические группы (евреи, великорусы, немцы, цыгане, татары) либо априори не являются католиками, либо их число настолько мало, что им можно пренебречь. Проведя несложные вычисления, мы получим цифру 526 075, или 59 % – число языковых белорусов католического исповедания. Соответственно, остающийся 41 %, или 365 828 в абсолютных цифрах, приходится на православных.

Точные данные по отдельным уездам отсутствуют, однако мы можем предположить, что основная масса языковых белорусов католического исповедания была сосредоточена в «литовских» уездах (Свенцяном, Виленском и Трокском), а также в примыкающих к ним местностях «белорусских»

уездов (Вилейского, Дисненского, Лидского и Ошмянского). Данная версия базируется на том обстоятельстве, что основную массу белорусскоговорящего населения этой местности составляли славянизированные балты, далекие предки которых были обращены в католичество при крещении Литвы. Получается, православное население было сконцентрировано в наиболее удаленных от Вильно южной и восточной частях «белорусских» уездов – там, где проживало либо изначально «русское» православное население, либо периферийные группы балтов, полностью интегрированные в «русское» этноязыковое и религиозное пространство. В пользу подобного географического распределения белорусских католиков и православных говорит и сохраняющаяся высокая концентрация католического населения в пограничных с Литвой районах современной Беларуси. Важным свидетельством в подкрепление данной версии являются слова Литовского митрополита Иосифа Семашко, кафедра которого находилась в Вильно. Семашко характеризовал город как «кипящий ненавистным фанатизмом против православных – лежащий вне круга православного населения» [8, с. 159–160].

Таким образом, основную массу белорусскоязычного населения, проживавшего вокруг Вильно, составляли католики, бывшие по своему этногенезу славянизированными балтами. Очевидно, помимо языка, с основной массой белорусов эту группу населения мало что связывало. Православные белорусы генетически наследовали «русскому» населению ВКЛ и той культурно-религиозной традиции, которая сложилась на этих землях во времена Киевской Руси. Со своей стороны, славянизированные балты католического исповедания были продуктом «литвинской» государственно-политической и культурной традиции, которую сформировали династии Гедиминовичей и Ягеллонов и которая к началу XX века во многом переродилась в региональный вариант польской национальной идентичности. Это делало весьма вероятной окончательную интеграцию данной группы населения в польский национальный проект. Костел оставался мощным агентом польского культурного влияния в крае, поэтому представляется вполне

вероисповедный состав населения

	Православные	
	м.	ж.
Белорусская	64,9	50,8
Малорусская	91,8	94,0
Вялорусская	41,2	40,9
Русинская	30,0	100,0
Польская	0,4	0,4
Остальные славянские	22,3	7,7
Литовская	0,2	0,2
Жидовская	17,1	0,0
Латышская	1,2	3,8
Романская	11,8	6,9
Немецкая	1,1	1,3
Прочие германские	0,0	0,0
Остальные индо-европ.	34,3	8,1
Еврейская	0,1	0,0
Кавказские (грузинская)	100,0	0,0
Финские	86,0	9,1
Турецко-Татарская	10,1	0,2
Неуказанные языки	17,9	13,0

шведоженными данными указывают (58,82%), контингент католиков, имеющих численное преобладание, самое незначительное число, и своим родным языком: в будущем данная показывать и, дадут ему главные средства

Группы занятий:

Сельское и лесное хозяйство	...
Промышленность	...
Передвижение и сообщение	...
Торговля	...
Вооруженные силы	...
Администрация, сословия и общ. служ.	...
Свободные профессии	...
Дают в службу частная. Прел. и др.	...
Лица, или др. ст. имущество	...
Теле. и др. ст. имущество	...
Лица ст. имуществ. и др. ст. имущество	...

закономерным, что после крушения Российской империи возрожденная Польша смело взялась в борьбу с Литвой за Виленский регион, рассчитывая на поддержку со стороны как языковых поляков, так и языковых белорусов католического исповедания. Очевидно, если бы Польше удалось удержать за собой Виленский край и после перекроек государственных границ в ходе Второй мировой войны, на сегодняшний день польский характер этого региона не вызывал бы сомнений.

Таким образом, католическое белорусскоговорящее население, проживавшее в окрестностях Вильно в начале XX века, представляло собой специфическую этнокультурную группу, весьма отличную по своему этногенезу и социокультурным характеристикам от основной массы православных белорусов, что делало далеко не очевидным объединение этих групп в рамках единого национального проекта. Поэтому мы не можем определять католическое население, доминировавшее в округе Вильно, как априори белорусское, а значит, и утверждать «исконно белорусский» характер этого региона. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Флоря, Б.Н. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – раннего Нового времени / Б.Н. Флоря // Россия – Украина: история взаимоотношений. Материалы конференции. – Москва, 1997.
2. Спиридонов, М.Ф. Литва и Русь в Беларуси 16 в. [Электронный ресурс]. / М.Ф. Спиридонов. – Режим доступа: <http://viduramziu.lietuvas.net/etno/spiridonov-ru.htm>. – Дата доступа: 09.01.2008.
3. Насевич, В., Спирьдонаў, М. «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага XVI ст. / В. Насевич, М. Спирьдонаў // 3 глыбі вякоў. Наш край: Гіст.-культуралаг. зборнік. – Мінск, 1996. – Вып 1.
4. Бель, Альс. Як разьмежаваць Літву ад Русі? / А. Бель // ARCHE. – 2007. – № 10.
5. Марзалюк, І. Сімптомы «пажаданага гісторыі» / І. Марзалюк // ARCHE [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arche.bymedia.net/2008-03/marzialiuk803.htm>. – Дата доступа: 25.08.2010.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России. Виленская губерния // Демоскоп Weekly – Приложение. Справочник статистических показателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=87. – Дата доступа: 02.09.2010.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по вероисповеданиям и регионам. Виленская губерния // Демоскоп Weekly – Приложение. Справочник статистических показателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php?reg=27. – Дата доступа: 02.09.2010.
8. Записки Иосифа, митрополита Литовского. – СПб, 1883. – Т. 1.